УДК 303

Г.Л. Тульчинский
Санкт-Петербург

СОВЕТСКО-РОССИЙСКИЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ В 1970–2000-е гг.*

Цитирование: Тульчинский Г.Л. Советско-российский вклад в развитие социальной семиотики в 1970–2000-е гг. // Наследие. 2021, № 1(18). – С.37–54.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2021.1.2>

Citation: Tulchinskii G.L. *Sovetsko-rossijskij vklad v razvitie social'noj semiotiki v 1970–2000-e gg.* [Soviet / Russian impact on the development of social semiotics in the 1970–2000s] // *Nasledie* [Heritage]. 2021, No. 1 (18). – pp.37–54.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2021.1.2>

Целью данной работы является показать возможности применения семиотического анализа к социально-культурным явлениям и процессам, предполагающего выход за рамки традиционного ограничения семиотики языковыми феноменами. При этом особое внимание уделяется подходам и наработкам, полученным в последнюю четверть предыдущего столетия русскоязычными авторами, такими как Ю.М. Лотман, Г.И. Богин, А.А. Брудный, Т.М. Дридзе, А.И. Портнов, В.А. Сулимов, а также их коллегами и учениками. Приоритетная роль и значение разработок упомянутых авторов и школ связана с раскрытием нетривиального значения семиотического подхода, выходящего за рамки особенностей использования языка в различных социальных практиках – к семиотическому анализу самих практик

Ключевые слова: коммуникация, культура, понимание, социальная семиотика, язык.

Tulchinskii G.L. Soviet / Russian impact on the development of social semiotics in the 1970–2000s

This work purpose is to show the possibilities of applying semiotic analysis to socio-cultural phenomena and processes, which involves going beyond the traditional limitation of semiotics to linguistic phenomena. At the same time, special attention is paid to the approaches and developments obtained in the last quarter of the previous century by Soviet Russian-speaking authors such as Yu.M. Lotman, G.I. Bogin, A.A. Brudny, T.M. Dridze, A.I. Portnov, V.A. Sulimov, as well as their colleagues and followers. The priority importance of their developments is associated with the disclosure of the non-trivial meaning of the semiotic approach, which goes beyond the features of the use of language in various social practices - to the semiotic analysis of the practices themselves.

Key words: communication, culture, understanding, social semiotics, language.

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках».

Информация, коммуникация и семиотика

Современное человечество переживает тотальную медиализацию в цифровом формате, трансформирующую экономику, бизнес, политику, науку, образование, искусство, личную жизнь. В основе этих успехов – возможность обезличенно моделировать когнитивные процессы, в результате чего знание понимается как информация (буквально – мера разнообразия), т.е. как данные, сведения, которые можно получить, воспользовавшись некоей опцией.

Неоднозначные последствия – в том числе антропологического плана – такой редукции уже хорошо известны и диагностированы. *Homo sapiens* не просто социальное существо. Как вид он получил преимущество перед другими видами *homo* за счет перехода от сигнальной коммуникации к нарративной, обеспечившей за счет мифологии, религии, идеологии возможность образования и консолидации сообществ не в одну–полторы сотни особей, а в многие сотни, тысячи, а теперь и миллионы. В этом плане *Homo sapiens* предстает скорее как *Homo narrator*. Современные же масштаб и скорости обработки информации ведут к нарушениям способности к рефлексии, связной дискурсивности, памяти [Кавашима, 2018]. Это становится причиной роста инфантилизма, сжимания горизонта ответственности. Ситуацию, когда от человека требуется не рассуждение, а быстрая реакция, сводящаяся к активации «правильных» опций, реализующих некие предзаданные алгоритмы, Д. Агамбен справедливо квалифицирует как «новую животность» [Агамбен, 2012].

В цифровизованной реальности от человека не требуются «длинные мысли», которые мог себе позволить писатель и читатель романов XIX или второй половины прошлого столетия или участник переписки того же времени. Упрощение и ускорение предъявления осмысляющей наррации достигло такой степени, что презентации смыслов не требуется оставлять следы такой презентации – как в технологии *snatchat*, когда информация исчезает вскоре после ее предъявления. Означающие (знаки, тексты) не нуждаются в означаемых, они не нарративны, а перформативны. От зрителя, слушателя, читателя требуются не рассуждения и обоснования понимания, а реакции – оценки и действия («лайкать, банить и покупать»).

И это серьезный сигнал апологетам массированного перевода образования *on line*. Человек, утрачивая навыки систематической рефлексии и связанной с нею способности «трансцендировать в иное», начинает просто реагировать на образы и стимулы сканируемой реальности. В терминах семиотического подхода это означает сведение социальной семиотики к зоо- и даже биосемиотике. Между тем даже в животном мире (зоо- и биосемиотика) речь идет не просто о сигналах, а о сигналах значащих, имеющих знаково-символический функционал.

Важно понимать, что антропологическая неоднозначность, если не опасность связана именно с отождествлением коммуникативных процессов с информационными, знания и информации, со сведением знаков к данным, семиотических систем к информационно-сигнальным. Семиотика – важный междисциплинарный концептуальный аппарат для преодоления такой редукции, углубления и расширения возможностей анализа способов обретения нового опыта, нового знания, важных для человека как существа социального, бытие которого обусловлено совместным существованием («социальностью»), реализуемым в коммуникации.

И в этой связи проявляется особая роль социальной семиотики как отрасли семиотики о функционировании знаковых систем в обществе.

Социальная семиотика: от практических контекстов языковой коммуникации – к смысловому содержанию социальных практик

Написание данной работы в немалой степени было обусловлено осознанием того, что широкому кругу продвинутой гуманитарной общественности свойственно искаженное представление о предмете и возможностях социальной семиотики. Пониманию этого в немалой степени способствовали недавние публикации коллег С.Т. Золяна, М.В. Ильина, И.В. Фомина [Ильин, 2015; Фомин, Ильин, 2019], некоторые собственные недавние работы автора в рамках гранта РФФИ, а также процесс подготовки конференции, посвященной социальной семиотике, в Санкт-Петербургском университете в 2020 г. Последней каплей стала публикация С.Т. Золяном переписки с Г. Крессом и Б. Ходжем [Hodge, Kress, 1988] относительно понимания социальной семиотики ими и их учителем Р. Халидеем [Zolyan, 2019, с.412–416].

В этой переписке и в комментариях С.Т. Золяна к ней показались важными два момента:

(1) И Кресс, и Ходж говорят об отграниченности социальной семиотики «от лингвистики». В этом случае социальная семиотика предстает описанием функциональных контекстов языка, практик (фреймов) его использования.

(2) Оба они, но особенно Б. Ходж, признают, что заход из других культур (и языков описания) открывает новые возможности. И дело не только в выходе к М. Веберу, к социологии, а именно – к культуре.

Собственно, чем и был интересен и важен Ю.М. Лотман, раньше Р. Халидея говоривший о социальной семиотике, что он чем дальше, тем все больше и больше писал о семиотике культуры, семиотике поведения и социального действия [Лотман, 1967; Лотман, 1976; Лотман, 1981; Лотман, 1984; Лотман, 1992; Лотман, 2010]. Удивительно, но упомянутые зарубежные семиотики, как оказывается, с работами Лотмана совершенно не знакомы, они его не знали, не читали. Между тем Лотман был членом редколлегий ряда международных семиотических журналов, печатался в них. В том числе – в журнале *Semiotica*, бессменным шеф-редактором которого 32 года (до 2001 г.) был Т. Себеок, расширивший семиотический анализ на системы сигнализации и связи, не относящиеся к человеку. Он же придумал термины «зоосемиотика» и «биосемиотика», а свою личную библиотеку по семиотике (более 4 000 томов книг и 700 журналов) он передал кафедре семиотики в Тартуском университете, где работал Лотман. В той же *Semiotica* в 1970–1980-х регулярно публиковались содержательные статьи многих авторов по знаковому анализу различных культурных феноменов и процессов, далеко выходившие за рамки анализа языка: смеха, карикатур, поведения.

И многим отечественным гуманитариям, включая автора данной статьи, представлялось, что еще в те годы уже сложилось довольно общее понимание семиотики как науки о знаковых системах, фиксирующих и транслирующих смыслы, смысловые комплексы, которые сами по себе имеют культуральную природу. Почему Лотман и называл себя иногда культурологом (когда о нынешней культурологии еще слыхом не слыхивали). В этой позиции естественным был интерес к идеям Л. Вы-

готского и младшего Бахтина, проявлявшийся тогда в отечественной и зарубежной гуманитаристике. Недаром рецепция идей М.М. Бахтина («обратная» к хронологии написания его работ) привела к трактовке его почти как структуралиста, что было закреплено за рубежом переводами его текстов Ю. Кристевой – авторитетным автором среди семиотиков.

На это накладывалась и волна интереса к наследию русского формализма. А с учетом имяславия (от самих имяславцев до С. Булгакова, П. Флоренского, А. Лосева, О. Мандельштама, математической школы Егорова) получается развернутая картина отечественного вектора семиотики, открытой междисциплинарности не через язык, а включая язык. Да к этому еще и примыкает круг идей Г.Г. Шпета. Так что в пору говорить о русском вкладе в развитие семиотики как платформе междисциплинарного гуманитарного (и не только) знания [Тульчинский, 2019].

Иначе говоря, к концу 1980-х сформировался семиотический подход как мощное междисциплинарное направление, в рамках которого многие явления в природе и обществе рассматриваются как знаковые системы, обеспечивающие фиксацию, хранение и трансляцию значащей информации. В этом плане культура предстает, по выражению Лотмана, системой внегенетического наследования опыта поведения, т.е. системой порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта в знаковых системах. Любой компонент социального опыта с этих позиций предстает как знак. Стол, книга, храм, любая техническая система, животное, ландшафт и т.д., будучи включенными в социальную практику, становятся знаками и знаковыми системами, имеющими собственное значение и смысл. Более того, сам человек предстает как многоуровневая знаковая система. Тем самым семиотика не сводится к анализу языка – просто язык, оперирующий знаками знаков культуры, выступает путеводителем по миру этой культуры, освоение которой предполагает языковую коммуникацию.

Однако, как оказывается в наши дни, большинство гуманитарной научной общности до сих пор склонно считать семиотику частью лингвистики, в лучшем случае – филологии [Halliday, 1978; Leeuwen, 2005; Гаврилова, 2016], или – дополнением к ним [Крейдлин, 2002]. Наверное, сказывается инерция экспансии англоязычной журнальной аналитической традиции, выдавливавшей континентальную герменевтическую традицию.

Так что, наверное, стоит принять предложение Б. Ходжа по части продвижения неизвестного (или малоизвестного) западной аналитической общности социально-культурного расширения семиотики. В приводимом ниже обзоре рассмотрены сложившиеся и активно разрабатывавшиеся направления, реализуемые в рамках сложившихся институционализированных и неформальных школ. Несомненный интерес представляют также отдельные авторы и исследователи, в том числе такие выдающиеся, как Вяч.Вс. Иванов, М.В. Попович, Р. Павиленис, Б.Ф. Поршнев. Их творческое наследие, вне всякого сомнения, заслуживает осмысления. Однако для большинства из них вопросы социальной семиотики не являлись главными в их творчестве, а для целей данной работы важно представить масштаб и разнообразие подходов и концепций, выработанных научными коллективами и их лидерами, фокусирующимися именно на тематике, связанной с семиотическим анализом социально-культурных коммуникативных процессов.

Русскоязычные школы социальной семиотики

Ю. Лотман и школа семиотики в Тарту

Начать такое рассмотрение надо, конечно же, с тартуско-московской школы семиотики и ее центральной фигуры – Юрия Михайловича Лотмана, выдающегося исследователя, внесшего существенный вклад в развитие не только отечественной гуманитаристики. Многие филологи, философы, социологи выросли на выпусках «Трудов по знаковым системам», выходивших в Тартуском университете под его редакцией. Обращение к его наследию до сих пор дает импульсы новым трансдисциплинарным исследованиям. Можно согласиться с С.Т. Золяном, что до сих пор – ни в семиотике, ни в лингвистике, ни в теории литературы – нет обобщенного описания лотмановской концепции в ее соотношении с современными представлениями, тогда как именно эти идеи важны для развития существующих и создания новых подходов к исследованию культуры, текста, коммуникации [Золян, 2020].

По Лотману, текст, интеллект (сознание) и культура (семиосфера), по сути дела, различные аспекты одного и того же явления, в котором каждый из членов этой триады взаимно определяет, создает и развивает другие. Его разграничение между текстом и не-текстом основано не на лингвистических или семантических факторах, а на социально-культурных (прагматических) критериях. В этом плане текст предстает комплексным отношением (функцией в математическом смысле) между тремя переменными: знаковой композицией, адресатом и контекстом, что открывает широкий спектр междисциплинарных исследований в нейролингвистике, теории культуры и коммуникации.

Опыт исторического литературоведения, знание структурного подхода в лингвистике позволили Лотману наполнить концепт текста содержанием, преодолевающим как редукцию текста к языковым элементам, так и расширительную неопределенность текста. Собственно культура – пространство артефактов, порожденных человеческим опытом, – выступает как текстуальная реальность, организованная как пространство текстов, как метатекст, внешняя по отношению к некоторому тексту система культурных кодов, позволяющая интерпретировать конкретный текст [Лотман, 1981]. В этом случае семантической оценкой такого текста становится смысловая картина мира, выраженная общностью текстов данной культуры. Речь идет о складывании определенных текстовых пластов в замкнутые миры, которые в культурных практиках соотносятся с внесемиотической реальностью.

Другими словами, для Лотмана текст – не столько инструмент передачи информации, сколько механизм смыслопорождения. В наши дни форсированной цифровизации, включая онлайн-форматы образования, это особенно важно для различения информации как данных, меры разнообразия (измеряемой в битах, байтах) и знания как информации осмысленной. Текст есть генератор смыслов, динамически саморазвивающийся объект, если не организм: самовозрастающий логос, в духе Гераклита Эфесского, разумная психея. Он предстает «мыслящей структурой», как модель сознания, где роль пускового механизма играет поступающий извне текст, приводящий исходное сознание в движение. Это позволило уже самому Лотману применять такую трактовку семиотической гетерогенности текста к современным ему нейролингвистическим исследованиям [Лотман, 1992]. Что и подтвердилось исследова-

ниями нейрофизиологии мозга. Как показывают исследования нейрофизиологии и искусственного интеллекта, семиотика наррации оказывается аппаратом, позволяющим операционализировать формирование самосознания как *autobiographically myself* [Damasio, 2010]. А операционализация самосознания «от первого лица» позволяет наметить перспективы решения принципиально важной задачи изучения самосознания и развития гуманитарного знания в целом.

Чрезвычайно содержательным, актуальным и методологически важным представляется развитие лотмановской концепции – проспективно-ретроспективной модели исторических описаний, согласно которой непредсказуемые в момент совершения события выступают как детерминированные – за счет ретроспекции историка, когда случайное и недетерминированное событие *post factum* осмысливается как неизбежное, что приводит к детерминистским концепциям философии истории. И логико-семантический анализ показывает, что такой «фатализм» – свойство не самих событий, а высказываний о них, обусловленное ограничениями неизбежной нарративизации и текстуализации истории как формы знания, зависящей от позиции познающего субъекта. Поэтому настоящее – это время, в котором каждый раз заново одновременно переосмысливается прошлое и будущее. Так, распад СССР дал начало не только новым национальным государствам, но и новым историям и новым политическим проектам. Единый до этого нарратив истории СССР также распался. А создание новых историй неизбежно сопровождается корректировкой прежних, включая практики вспоминания и забвения. Речь идет не о политическом волюнтаризме, а именно об изменении контекстов. Такой подход позволил Ю.М. Лотману на материале русской литературы и историографии представить содержание смысловой картины российской истории в сознании многих поколений [Лотман, 1967; Лотман, 2010].

И в этой связи открываются важные перспективы лотмановского вклада в социальную семиотику. Обычно Лотман воспринимается как литературовед и семиотик культуры. Вопрос о том, насколько правомерно рассматривать его идеи в рамках социальной семиотики, до сих пор не поднимался. Автором идеи социальной семиотики считается Майкл Хэллидей, чью концепцию впоследствии развили Роберт Ходж и Гюнтер Кресс. Однако в работах Лотмана термин «социальная семиотика» появляется в 1975 г., одновременно с Хэллидеем. Причем, в отличие от последнего, Лотман не ограничивал социальную семиотику рассмотрением языковых практик в различных паттернах социальной коммуникации, настаивая на том, что лингвистический анализ должен быть дополнен методом, который он называл «структурно-идеологическим». Лотман семиотически рассматривал сами социальные и политические отношения, в которых реализуется коммуникация.

В свете сказанного выше о лотмановском понимании культуры (проявлением которой являются социальные отношения) как текста его подход предстает перспективным для разработки более глубокой теории, в которой как знаковые феномены (тексты) рассматриваются не только языковые знаки и сообщения, но и социальные действия и поведенческие структуры. Не случайно последователи М. Хэллидея пошли именно в направлении, близком Лотману. Это позволяет соотнести концепты социальной семиотики с основными понятиями теоретической и прикладной социологии. Так, С.Т. Золян обстоятельно проводит это соотнесение с такими базовы-

ми концептами «понимающей социологии» М. Вебера, как социальное действие, смысл и коммуникация, с методологией полевых исследований Б. Малиновского, убедительно показывая плодотворность такой конвергенции. Следует отметить, что традиция реализации «культурального» потенциала семиотики сохраняется в Тартуском университете [Randviir, 2004].

В этом плане особенно показательна рефлексия Ю.М. Лотмана отношения к драматической ситуации распада СССР и становления новых государств, свидетелем чего ему довелось стать в последние годы жизни. Сохраняя ответственную гражданскую позицию, Лотман не уходил от ответственности ученого, обладающего нетривиальным аппаратом фундаментального анализа, чтобы осмыслять возникающие вызовы развития общества и предлагать ответы на эти вызовы. За лозунгами, идеологиями, персонами он видел нерв и суть проблемы, что уводило от сиюминутных конфликтов. Сущность постсоветского периода Лотман видел в выявленной им зависимости политических процессов от принципа бинарной организации культурно-семиотических систем как постоянной осцилляции между взрывом и застоем с неизбежной катастрофой в конце обоих путей. Выход из этого тупика Лотман связывал с переключением бинарной системы на тернарную [Лотман, 2010]. К близким идеям о необходимости поисков «медиации», дающей возможность компромисса, отказа от игр с нулевой суммой, преодоления маятникового, инверсионного характера развития российского (и советского) общества, пришел историк и социолог А.С. Ахиезер [Ахиезер, 1998]. Однако до сих пор политический язык строится на бинарности «мы – они», «свои – чужие», «хорошее – плохое», из которой вытекает безальтернативность, а значит – конфликтность, раскалывание социума.

Таким образом, осмысление лотмановского наследия, открываемые в нем различные способы фокусировки семиотического подхода создают нетривиальный кумулятивный и синергетический эффект, показывая возможность «новой жизни» лотмановских идей и приглашая к диалогу относительно их дальнейшего развития.

Наука понимания, Фрунзе (Бишкек)

Коммуникативная природа осмысленного знания была в центре внимания большой группы учеников и коллег философа, психолога и лингвиста Арона Абрамовича Брудного (13.01.1932–14.03.2011), работавшего в Институте философии АН Киргизии и читавшего курсы по философии и социальной психологии. Начав с анализа формирования знания А. Брудный перешел к вопросам его языковой презентации и трансляции. Главные его работы посвящены психолингвистике и проблеме понимания [Брудный, 1996; Брудный, 1998]. Докторская диссертация по философии на тему «Язык, сознание и действительность» была защищена в 1970 г. А первая книга «Наука понимать» вышла в 1996 г. в Бишкеке, в 1998 г. была переиздана в Москве под названием «Психологическая герменевтика». Через год вышла вторая его прижизненная публикация – книга «Пространство возможностей: введение в исследование реальности» [Брудный, 1999].

По замечанию В.П. Зинченко, А.А. Брудный, наряду с Э.В. Ильенковым, Г.С. Батищевым, М.К. Мамардашвили, В.С. Швыревым, внес большой вклад в философскую психологию, приняв вызов Нильса Бора, который на вопрос «Можно ли

понять атом?» сказал: «Думаю, что можно, но до этого нужно понять, а что такое понимание?» [Зинченко, 2000].

Именно понимание выступает для А.А. Брудного основным специфическим для человека психическом процессом. В развиваемой им «радикальной психологии» понимание коренится в индивидуальном бытии, что делает его зависимым как от социально-исторического контекста, так и от иррациональных бессознательных архетипических компонентов [Брудный, 1999]. В этом концепция А.А. Брудного в принципе совпадает с идеями «глубокой семиотики», включающей в семиотический анализ личность как источник, инструмент и результат семиозиса [Тулчинский, 2019].

Уникальная неповторимость личностного осмысления, согласно А.А. Брудному, определяется не столько доступными материальными благами и условиями существования, сколько культурой – социально-биологическими и информационно-семиотическими связями и отношениями в социуме, реализуемыми в коммуникации. Он различал три мира как три поля понимания, в рамках которых оно реализуется тремя способами. Первое поле задает отношения между предметами, это мир фактов, обладающих достоинством непосредственной данности: «что есть, то и доказано», «факты – упрямая вещь». Изменчивость и фрагментарность доступной человеку реальности предполагает второе поле – пространство отношений между понятиями, теоретическими концепциями, позволяющими обобщать и упорядочивать фактологию. Третье поле – мир культуры, пространство коммуникативных отношений между людьми, в котором порождаются различные смысловые связи, реализуемые в текстах (*textus, лат.* – «связь, соединение, ткань») и артефактах культуры, используемых для достижения взаимопонимания, передачи опыта. «Суть феноменов культуры в том, что они имеют значение для людей; потеряв по какой-либо причине значение, они утрачивают статус феноменов культуры, сохраняя физическое существование. В культуре овеществляются отношения между людьми, и овеществление это семиотично» [Брудный, 1998, с.17]. Эта социально-коммуникативная природа понимания и смыслообразования порождает такие его стороны, как ответственность и социальный контроль в построении смысловой картины мира [Брудный, 1998, с.24].

При этом А.А. Брудный выделял два вида коммуникации – в зависимости от их организации. Первым видом является коммуникация «аксиальная» (*axis, лат.* – «ось»), направленная конкретному целевому адресату, как сейчас бы сказали – точно таргетированная конкретной аудиторией. Второй вид – коммуникация «ретиальная» (*rete, лат.* – «сеть»), адресованная неопределенному и неограниченному кругу получателей, понимание которой предполагает настройку адресата. Для пояснения А.А. Брудный использовал биологическую аналогию с деятельностью нервной системы, передающей импульс в точку, от которой требуется определенная реакция, и кровеносной системы, омывающей все органы, включая те, которым для развития необходимы конкретные субстанции. В наши дни еще более точным примером являются личные сообщения (почтовые рассылки, в мессенджерах, «в личку») и общедоступные сообщения, выкладываемые на постах, в ленте. В заключении своего *opus magnum*, написанного в середине 1990-х, он пишет о стремительно близящейся

перспективе текстов, способных к смысловой автономии, имея в виду артефакты, порожденные цифровыми технологиями, ведущими в виртуальный мир, расширяющий («действительно удваивающий») привычный трехмерный мир [Брудный, 1998, с.323–324]. Как мир вещей был дополнен миром культурных смыслов, семиотически воплощенных в звуках, рисунках, текстах, фото, звуко- и видеозаписи, которые передавали опыт, реализуемый в поведении, искусстве, технике, так цифровые технологии непосредственно создают новые вещи – как в виртуальной, так и физической реальности (например, с помощью 3D-принтеров) – и отношения между ними (Интернет вещей).

Сам А.А. Брудный, руководивший отделом комплексного исследования человека ИФ АН Киргизии, предпочитал называть область своих исследований философской антропологией, чему соответствовали глубина и размах его интересов. Недаром так широк горизонт самореализации круга его коллег, учеников, последователей. Э.Д. Шукуров (1938–2019) – студент, соавтор [Брудный, Шукуров, 1977] и близкий друг А.А. Брудного – выдающийся биолог, географ и эколог, член-корреспондент НАН Киргизии. Р.И. Отунбаева – кандидат философских наук (1975), с 1981 г. – советский, в дальнейшем киргизский политик и дипломат, глава временного правительства и президент Киргизской Республики (2010–2011). В.К. Нишанов [Нишанов, 1990] – кандидат философских наук, специалист в области менеджмента организационных изменений, деловых переговоров, с 2006 г. – профессор Бизнес-школы Университета штата Вашингтон в Сиэтле. А. Какеев – академик НАН КР, зав. кафедрой философии Кыргызско-Российского Славянского университета. Т.А. Индина – руководитель агентства бизнес-коммуникаций Indina-Consulting, исследователь Berkman Center for Internet and Society (Harvard University). Ж. Бокошов – профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Н. Багдасарова – дочь А.А. Брудного, редактор его последних публикаций – кандидат психологических наук, зав. кафедрой психологии Американского университета в Центральной Азии. Этот ряд учеников, коллег и последователей можно продолжать и продолжать [Арон Брудный..., 2020], но даже из приведенного списка видно, какой широкий горизонт социальных применений открывает знание коммуникативных механизмов понимания.

Семиосоциопсихология Т. Дридзе

Масштабная исследовательско-проектная программа, важная для развития социальной семиотики, была разработана и реализована Тамарой Моисеевной Дридзе (1930–2000) и ее учениками. Т.М. Дридзе начинала с языкознания и коммуникации, открывших понимание знаковых систем как механизма порождения, хранения, трансляции и воспроизводства социального опыта – вплоть до образа жизни конкретного социума. В ее книгах (сначала – «Язык и социальная психология» [Дридзе, 1980], а вскоре за нею – «Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации» [Дридзе, 1984]) была развита концепция семиосоциопсихологии, основой которой выступила идея информационно-целевого (мотивационного) анализа текста, позволяющего реконструировать «цепочку», а точнее – «дерево целей» построения текста, который представал структурой воплощения смысла. Эта методика успешно использовалась при анализе нормативных, распорядительных документов,

прочих материалов, необходимых при разработке проектов и программ. Смыслообразование предстало как довольно строгий алгоритм, задаваемый контекстом соответствующей культурной практики.

В дальнейшем Т.М. Дридзе сконцентрировалась на проблематике социологии управления городами, в том числе – на глубокой полевой аналитике социальной жизни в г. Таганроге. Именно в урбанистической среде реализуется наиболее интенсивная коммуникация с наибольшим кругом используемых знаковых систем. В фокусе внимания Т.М. Дридзе на протяжении всего ее творческого пути была интенциональность человеческой активности – «человек живущий» в его многообразной коммуникации со средой. С социологической точки зрения это была «человеко-средовая» социология обменов («метаболизма») человека как социального существа со средой обитания. Наиболее интенсивен такой обмен в городской среде. Поэтому ее переход к анализу и проектированию городской среды был более чем закономерен. Фактически речь шла о расширении мотивационно-целевого (интенционального) характера коммуникации на все формы социально-культурной деятельности, представляющие как тексты, фиксирующие и транслирующие смысловые структуры социального опыта. Задачей исследователя становится готовность к их адекватной интерпретации.

Получается, что Т.М. Дридзе задала наиболее широкий горизонт социальной семиотики как междисциплинарного подхода к анализу и конструированию социально-культурных систем и практик. И в этом горизонте Т.М. Дридзе активно сотрудничала с такими крупными психологами, социальными философами, урбанистами, как А.А. Леонтьев, А.С. Ахиезер, В.Л. Глазычев [Дридзе, 1976; Сайко, 1999; Орлова, Кучмаева, 1988], видя в семиотическом анализе коммуникации инструмент социально-культурного инжиниринга, дисциплинарную платформу которого она видела в социальном управлении [Дридзе, 1989; Дридзе, 1994]. Если такой инжиниринг представить в качестве системы фактологических, каузальных и ценностно-целевых нарративов, то ключевыми оказываются именно последние нарративы – как при постановке проблем, так и при оценке результатов, полученных при попытках их решения. А это и есть информационно-целевой (мотивационный) семиотический анализ текстов, порождаемых социально-культурной деятельностью и представляющих ее.

Поэтому наследие Т.М. Дридзе сохраняется в работе ее многочисленных учеников, коллег, последователей [Акимкин, Алексеева, Дридзе, Манусевич, 2005; Вешинский, 2012; Глазычев, 2011; Ширинкин, 2014], занимающихся вопросами социальной коммуникации в управленческих процессах, развития городской среды, которые становятся предметом обсуждения на ставших регулярными «Дридзевских чтениях» в Институте социологии Российской академии наук.

Семиодинамика, Ленинград

В нашем рассмотрении нельзя пройти мимо «Семиодинамики» – семинара молодых ученых Ленинградского государственного университета под руководством профессора Рэма Георгиевича Баранцева – физика, лауреата Государственной премии СССР 1973 г. за работы в области аэродинамики. Участники семинара активно распространяли знаковый подход на широкий круг социальных практик: от науки и искусства до социального управления. Попытка публикации материалов семинара

в 1984 г. попала под каток идеологического контроля на самом излете советского режима. Семинар был разогнан, некоторые его участники подвергнуты относительно мягким, административным, но репрессиям [Семиодинамика, 1994]. В рамках семинара начинали свою научную деятельность бывшие тогда еще студентами и выпускниками А.В. Парибок – кандидат филологических наук, начинавший образование как физик-лингвист, филолог, крупный специалист по древнеиндийской философской традиции; А.Г. Черняков (1955–2010) – кандидат физико-математических и доктор философских наук, выдающийся философ и блестящий переводчик античных и средневековых авторов, М. Хайдеггера, Э. Левинаса, А. Бадью; Н.А. Печерская – создатель и руководитель Высшей философско-религиозной школы; Ю.Л. Курикалов – физик и юрист, крупный эксперт по вопросам градостроительства.

Тверская герменевтическая школа

Система практик понимания разработана в 1970-е–2000-е гг. в Калининском (Тверском) государственном университете коллективом учеников и коллег профессора, доктора филологических наук Георгия Исаевича Богина (1929–2001). Занимаясь теорией и практикой обучения иностранным языкам, участники этого коллектива пришли к необходимости обучения языковым нормам в рамках конкретной культуры одновременно с формированием у обучаемых навыков осваиваемой профессии. Согласно Г.И. Богину, главной задачей становилось обучение человека речевым поступкам, формирование языковой личности.

В этой связи Г.И. Богин рассматривал герменевтику не просто как теорию и практику толкования текстов, а как деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации любого феномена, который может трактоваться как текст [Богин, 2001, с.7]. Он сравнивал герменевтику с такими социальными практиками, как обучение детей, строительное дело, библиотечное дело и т.д., – во всех них требуется понимание норм самих этих практик. Поэтому такая практическая герменевтика способна обеспечивать вхождение в социальные практики, взаимопонимание между представителями разных культур, а значит, и развитие самих этих культур и связанных с ними социумов. При этом ключевую роль играет возникающая коммуникация, обусловленная ее общественно-историческими причинами [Богин, 2001, с.23]. Такой подход был близок идее Г.П. Щедровицкого: понимание некоего смыслового содержания переводит его, когда мы начинаем действовать, в форму «действительности нашей действительности» [Щедровицкий, 1974, с.90].

Решая проблему непонимания, сторонники Тверской герменевтической школы разработали систему «поясов» понимания как видов конкретных техник, таких как: усмотрение и построение смысла (19 техник); использование «рефлексивно-го мостика» (6 техник); «расклеивания» смешиваемых конструкторов (12 техник); 16 техник интерпретационного характера; 26 техник перехода; 26 техник выхода через понимание к новым состояниям сознания [Богин, 2001, с.54]. В практическом плане понимал Г.И. Богин и концепцию «герменевтического круга», который он ограничивал уровнем выделенных поясов. В случаях, когда принятая рефлексия в поясе системно-мыследеятельной методологии нуждается в замене на логически осознанное знание, происходит разрыв герменевтического круга.

Развиваемое Г.И. Богиним и его сторонниками направление было новаторским и привлекательным. С 1985 по 2008 г. в его рамках было защищено 18 кандидатских диссертаций и 4 докторские. Вместе с Г.П. Щедровицким в 1990 г. Г.И. Богин инициировал проведение в Твери ежегодных международных конференций «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (с 2001 г. – «Богинские чтения»). Г.И. Богин и его сторонники были активными участниками Российской коммуникативной ассоциации. В конце 1990-х издавался электронный журнал *Hermeneutics in Russia*. Концепция «поясов» и соответствующих техник понимания в настоящее время используется в биосемиотике [Чебанов, 2021].

Однако с уходом из жизни Г.И. Богина в 2001 г. школа практически прекратила свою научную деятельность. Очевидно, сказалось то, что Тверская герменевтическая школа носила неформальный характер, не имела институционализированной организационной формы: сам Г.И. Богин и его коллеги по университету трудились на кафедре английской филологии. Тем не менее междисциплинарный характер практической герменевтики позволил многим ученикам Г.И. Богина реализовать полученные наработки в различных сферах деятельности: от науки и преподавания до государственного управления, бизнеса и православной церкви [Г.И. Богин..., 2005].

Философия семиотики, Иваново

Отталкиваясь от философско-семиотического анализа языка, все более углублялись в семиотический анализ сознания, его содержания и проявлений в социальной активности исследователи, объединявшиеся вокруг Александра Николаевича Портнова (1947–2010) [Портнов, 1992; Портнов, Турчин, 2002; Портнов, 2008], с 1975 г. работавшего на кафедре философии Ивановского государственного университета и возглавлявшего эту кафедру последние десять лет жизни. В круг интересов исследователей входили философия языка и общая семиотика, семиотика культуры, лингвосемиотика и психосемиотика, анализ возможностей и значения знакового анализа не только языка, но и сознания, культуры, структуры жизненного мира человека, включая городскую среду, рекламу [Философия, 1995]. Активно переводились и публиковались работы К. Ясперса, М. Бубера, А. Шютца, Э. Холенштайна, Т.А. Себеока по соответствующей тематике.

Семиотика культуры, Сыктывкар

Это изрядно обескровленное смертями лидеров новое перспективное направление социокультурной семиотики в Сыктывкаре. Это был очень удачный синтез философии языка, культуры и личности. Ирина Евгеньевна Фадеева (1952–2017), создатель и зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, доктор культурологии, защищалась у М.С. Кагана. Владимир Александрович Сулимов (1952–2018) учился в Львовском университете у учеников К. Айдукевича и Т. Котарбинского, был аспирантом А.А. Леонтьева, доктор культурологии, возглавил кафедру после кончины И.Е. Фадеевой. Начинали они с философии культуры и символа [Фадеева, 2003], символической и текстовой деятельности в социально-культурной коммуникации [Сулимов, 2003; Сулимов, Фадеева, 2004], семиотической структуры

и содержания языкового континуума [Сулимов 2005; Сулимов, 2009], но развернутая ими масштабная программа анализа знакового и символического содержания коммуникативного пространства культуры вывела исследователей к тематике социальной семиотики [Фадеева, Сулимов, 2013], включая культурные практики русского Севера [Фадеева, Сулимов, 2016; Человек..., 2017]. Это был значимый переход, во-первых, от структурно-статичных моделей семиозиса к многомерно-динамическим, а во-вторых, к учету в социально-семиотическом анализе личностного. Тем самым в поле семиозиса вводятся различные социальные практики от модернизации до образования и социализации. Фактически после распада СССР, фактического ухода из русскоязычного пространства Тартуского университета, интенсивного самоопределения коллег в Кыргызстане именно в Сыктывкаре сложилось развитое и продвинутое направление социально-семиотических исследований. К сожалению, создатели направления с интервалом в год ушли из жизни. Но остался широкий круг коллег и учеников (Л.В. Гурленова, Н.Е. Вокуев, Г.В. Китайгородская, В.В. Муравьев и др.). Их усилиями продолжается ставшая регулярной масштабная конференция «Семиозис и культура», выходит качественный научный журнал «Человек. Культура. Образование».

Ergo:

В становлении и развитии рассмотренных школ и направлений важную роль сыграл обобщающий междисциплинарный характер семиотического анализа, открывавший советским гуманитариям исследовательское поле, свободное от идеологического засилья официальной «марксистско-ленинской философии». Ограниченность международных контактов в СССР, языковой барьер, последовавший распад СССР, кончина лидеров школ, организационные проблемы гуманитаристики на постсоветском пространстве – вполне понятные причины, объясняющие выпадение (на некоторое время) этих авторов, школ, выработанных ими концепций из поля зрения научного сообщества. Поэтому тем более важным представляется не только напомнить о них, но и обратить внимание на актуальность, важность и перспективность сделанных наработок.

Основатели и хедлайнеры упомянутых научных школ и сообществ в чем-то повторили судьбу М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, С.С. Аверинцева, В.Б. Шкловского – выдающихся отечественных мыслителей, вынужденных в силу различных идеологических и политических причин профессионально заниматься филологией, историей искусств, а то и переводами, добившихся в этом выдающихся результатов, выведших их на уровень семиотических обобщений, позволяющих (иногда успешно, а иногда нет) избежать прямой конфронтации с официальными доктринами. Или на встречном движении, работая на философских кафедрах, в анализе философии культуры, сознания, языка, углублялись с помощью семиотического анализа, избегая идеологической ангажированности, в осмысление как фундаментальных проблем человеческого бытия, так и конкретных проблем современного образа жизни. Но в обеих траекториях концептуально это был путь от семиотики языка и через нее – к семиотике социально-культурных систем и процессов. А условием и инструментом такого перехода во всех этих случаях выступал учет

коммуникативной природы социально-культурных процессов, структуру и содержание которых позволяет системно представить семиотический подход.

Наработанный в рассмотренных выше концепциях потенциал сохраняет свою актуальность. С этих позиций с установкой на ключевую роль «человека живущего», соотношения человека как социального существа и среды, есть что сказать и относительно социально культурных, антропологических последствий цифровизации, и относительно последствий онлайн-форматов коммуникации в условиях коронавирусной пандемии, радикально изменивших облик современной цивилизации.

Обмен осмысленной информацией важен на всех этапах активной целенаправленной деятельности: при выявлении и формулировке проблемы, выработке и реализации решения, оценке полученных результатов. Фактически эти стадии предстают этапами воплощения смысла – вплоть до институционализации смысловых структур. В этом и заключается роль культуры как системы порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта – как реализации определенной смысловой картины мира, включенного в орбиту социально-культурных практик. И если исторический процесс суть равнодействующая различных волей и замыслов, то принципиально важно упорядочение этого коммуникативного процесса – не только и не столько разрешение конфликтов, сколько социально-культурный инжиниринг. Именно такой междисциплинарный подход, ориентированный на осмысление все расширяющегося горизонта не всегда продуманной экспансии цифровых технологий и связанных с ними социальных практик, включая управленческие, представляется ключевым в современной цивилизационной ситуации.

Литература

- Агамбен Д. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012. – 112 с.
- Акимкин Е.М., Алексеева Т.И., Дридзе Т.М., Манусевич Ю.П. Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Ин-т муницип. упр., 2005. – 492 с.
- Арон Брудный. 2020 [<https://web.archive.org/web/20131127164738/http://brudny.asia>]
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
- Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
- Брудный А.А. Наука понимать. Бишкек, 1996.
- Брудный А.А. Пространство возможностей: введение в исследование реальности. Бишкек: Илим/Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1999. – 386 с.
- Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
- Брудный А.А., Шукуров Э.Д. Мир общения. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. – 71 с.
- Вешинский Ю.Г. Аксиологическая география (аксиологическая топология) культурного пространства на рубеже тысячелетий. М.: Институт Наследия, 2012.
- Гаврилова М.В. Социальная семиотика: Теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов // Политическая наука. 2016, № 3. – С.101–118.
- Г.И. Богин и Тверская герменевтическая школа // Вестник Тверского государственного университета, № 1(7), 2005. – С.187–192.
- Глазычев В.Л. Город без границ. М.: Территория будущего, 2011. – 398 с.
- Дридзе Т.М. (отв. ред.) Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. – 304 с.

- Дридзе Т.М. (отв. ред.) Прогнозное социальное проектирование: Методологические и методические проблемы / Боровик Е.Н., Библер В.С., Гаазе-Рапопорт М.Г. и др. М.: Наука, 1989. – 255 с.
- Дридзе Т.М. (отв. ред.) Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Т.М. Дридзе и др. М.: Наука, 1976. – 262 с.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. – 268 с.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.
- Зинченко В.П. Предисловие к публикации. 2000. [https://psyjournals.ru/files/61581/kip_2013_2_brudniy.pdf]
- Золян С.Т. Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 320 с.
- Ильин М.В. Семиотический, морфологический, компаративный методы анализа дискурса в междисциплинарном приложении // Бизнес. Общество. Власть. 2015, № 22. – С. 67–82.
- Кавашима Р. Тренируем мозг. Продукты и рецепты для улучшения памяти, интеллекта и мышления. СПб.: Питер, 2018. – 192 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
- Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // Труды по знаковым системам III. Тарту: ТГУ, 1967. – С.30–38.
- Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. Москва: Наука, 1976. – С.292–297.
- Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам XII. Тарту: ТГУ, 1981. – С.3–7.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам XVII. Тарту: ТГУ, 1984. – С.5–23.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992. – 272 с.
- Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. – 232 с.
- Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ. Бишкек: Илим, 1990. – 227 с.
- Орлова Э.А., Кучмаева И.К. (отв. ред.) Культура в советском обществе: Проблемы и перспективы развития. М.: Наука, 1988. – 191 с.
- Портнов А.Н. Диалектическая природа сознания и проблема его семиотических средств // Сознание и теория мировоззрения: история и современность. Иваново: ИвГУ, 1992. – С.70–90.
- Портнов А.Н. Знаковая функция как междисциплинарное понятие // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. Вып. 2. – С.3–22.
- Портнов А.Н., Турчин А.С. Семиотическая функция: философские, социологические и психологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. 2002. Вып. 2. – С.62–74.
- Сайко Э.В. (отв. ред.) Социокультурное пространство диалога / Э.В. Сайко, А.С. Ахизер, Т.М. Дридзе и др. М.: Наука, 1999. – 219 с.
- Сулимов В.А. Семиотика литературного текста. Сыктывкар: Коми пединститут, 2009. – 162 с.
- Сулимов В.А. Текстовая деятельность, культура, коммуникация. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2003. – 93 с.
- Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2005. – 128 с.
- Сулимов В.А., Фадеева И.Е. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы // Философские науки. 2004, №4. – С.110–123.
- Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994. – 192 с.
- Тульчинский Г.Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019, №11. – С.115–125.
- Фадеева И.Е. Символ в системе культуры. Теория и культурно-историческая феноменология. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 144 с.
- Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Семиозис: субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. – 252 с.
- Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации (Республика Коми). СПб.: Астерион, 2016. – 202 с.
- Философия языка и семиотика / Под ред. А.Н.Портнова. Иваново: ИвГУ, 1995. – 232 с.
- Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019, Том 25, № 4. – С.123–141.
- Чебанов С.В. Биосемантика: Интерпретационные процессы в живых организмах. 2021 [<https://bioherm.ru/%d1%81%d0%b5%d0%bc%d0%b8%d0%bd%d0%b0%d1%80%d1%8b/>]

- Человек современного Севера: социокультурный контекст / Под общ. ред. В.А. Сулимова. СПб.: Астерион, 2017. – 148 с.
- Шурукин П.С. Туристское легендирование: региональные аспекты (Пермский край). – Пермь: ПГАКИИ, 2014. – 260 с.
- Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. М., 1974. – 576 с.
- Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain, N.Y.: Pantheon, 2010. – 367 p.
- Halliday M.A.K. Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning. Baltimore (Maryland): University Park Press, 1978. – 256 p.
- Hodge R. and Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988. – 280 p.
- Leeuwen T.van. Introducing Social Semiotics. N.Y., London: Routledge, 2005. – 320 p.
- Randviir A. Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture. Tartu: Tartu University, 2004. – 162 p.
- Zolyan S. General sociolinguistics, social semiotics and semiotics of culture – ex pluribus unum? Forty years after Language as Social Semiotic // Sign Systems Studies. 2019. Vol. 47(3/4), p.400–419.

References

- Agamben D. *Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe* [Opened. Man and animal]. Moscow, RGGU, 2012. – 112 p.
- Akimkin E.M., Alekseeva T.I., Dridze T.M., Manusevich Y.P. *Sotsialno obosnovannoe gradoustroystvo v rezhime prognoznogo proektirovaniya: ot sotsialnoj diagnostiki k profilaktike konfliktnykh situatsij i konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon* [Socially based urban planning in predictive design mode: from social diagnostics to prevention of conflict situations and constructive dialogue of stakeholders]. Moscow, Inst.munitsip. upravl., 2005. – 492 p.
- Aron Brudnyj. 2020 [<https://web.archive.org/web/20131127164738/http://brudny.asia>]
- Akhiezer A.S. *Rossia: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokulturnaja dinamika Rossii). Vol.1. Ot proshlogo k buduchshemu* [Russia: criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia). Vol.1. From the past to the future]. Novosibirsk, Sibirskij khronograf, 1998. – 804 p.
- Bogin G.I. *Obretenie sposobnosti ponimat: vvedenie v filologicheskiju germenevtiku* [Gaining the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics]. Moscow, Psikhologija i biznes, 2001. – 516 p.
- Brudnyj A.A. *Nauka ponimat* [Science to understand]. Bishkek, 1996.
- Brudnyj A.A. *Prostranstvo vozmozhnostej: vvedenie v issledovanie realnosti* [Space of Opportunity: An Introduction to Reality Research]. Bishkek, Ilim, 1999. – 386 p.
- Brudnyj A.A. *Psikhologicheskaja germenevtika* [Psychological hermeneutics]. Moscow, Labirint, 1998. – 336 p.
- Brudnyj A.A., Demilkanova A.M. *Dvojniki. Psikhologija igry i virtualnaja realnost* [Doubles. Game psychology and virtual reality]. Moscow, 2016. – 305 p.
- Brudnyj A.A., Shukurov E.D. *Mir obchshenija* [The world of communication]. Frunze, Kyrgyzstan, 1977. – 71 p.
- Veshninskij Y.G. *Aksiologicheskaja geografija (aksiologicheskaja topologija) kulturnogo prostranstva na rubezhe tysjacheletij* [Axiological geography (axiological topology) of cultural space at the turn of the millennium]. Moscow, Inst. Nasledija, 2012.
- Gavrilova M.V. *Sotsialnaja semiotika: teoreticheskie osnovaniya i printsipy analiza multimodalnykh tekstov* [Social semiotics: Theoretical foundations and principles of multimodal text analysis]. *Politicheskaja nauka* [Political science]. 2016, No. 3. – p.101–118.
- G.I. Bogin i Tverskaja germenevticheskaja shkola [G.I. Bogin and the Tver hermeneutic school]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University] 2005. No. 1 (7). – Pp.187–192.
- Glazychev V.L. *Gorod bez granits* [City without borders]. Moscow, Territorija buduchshego, 2011. – 398 p.
- Dridze T.M. (ed.) *Prognoznoe sotsialnoe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problem* [Predictive social design: Theoretical, methodological and methodical problems]. Moscow, Nauka, 1994. – 304 p.
- Dridze T.M. (ed.) *Prognoznoe sotsialnoe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problem* [Predictive social design: Theoretical, methodological and methodical problems]. Moscow, Nauka, 1989. – 255 p.
- Dridze T.M. (ed.) *Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija (v uslovijakh massovoj kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in terms of mass communication)]. Moscow, Nauka, 1976. – 262 p.

- Dridze T.M. *Tekstovaja dejatel'nost' v strukture sotsialnoj kommunikatsii. Problemy semiosociopsikhologii* [Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology]. Moscow, Nauka, 1984. – 268 p.
- Dridze T.M. *Jazyk i sotsialnaja psikhologija* [Language and social psychology]. Moscow, Vysshaja shkola, 1980. – 224 p.
- Zinchenko V.P. *Predislovie k publikatsii*. 2000 [Preface to publication]. [https://psyjournals.ru/files/61581/kip_2013_2_brudniy.pdf]
- Zolyan S.T. *Yuri Lotman: o smysle, tekste, istorii: temy i variatsii* [Yuri Lotman: On the meaning, text, history. Themes and variations]. Moscow, Izd.Dom JSK, 2020. – 320 p.
- Ilyin M.V. *Semioticheskij, morfologicheskij, komparativnyj metody analiza diskursa v mezhdistsiplinarnom prilozhenii* [Semiotic, morphological, comparative methods of discourse analysis in an interdisciplinary application]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast* [Business. Society. Power]. 2015. No.22. – Pp.67–82.
- Kavashima R. *Treniruem mozg. Produkty i retsepty dlja uluchsheniya pamjati, intellekta i myshlenija* [We train the brain. Foods and recipes to improve memory, intelligence and thinking]. Saint Petersburg, Piter, 2018. – 192 p.
- Krejdlin G.E. *Neverbalnaja semiotika. Jazyk tela i estestvennyj jazyk*. [Non-verbal semiotics. Body language and natural language]. Moscow, NLO, 2002. – 592 p.
- Lotman Y.M. *K probleme tipologii kultury* [On the problem of the typology of culture]. *Trudy po znakovym sistemam III* [Proceedings on Sign Systems III]. Tartu, TGU, 1967. – Pp.30–38.
- Lotman Y.M. *Bytovoe povedenie i tipologija kultury v Rossii XVIII v.* [Everyday behavior and typology of culture in Russia in the 18th century]. *Kulturnoe nasledie drevnej Rusi: Istoki. Stanovlenie, traditsii* [Cultural heritage of ancient Russia: Origins. Becoming. Traditions]. Moscow, Nauka, 1976. – Pp.292–297.
- Lotman Y.M. *Semiotika kultury i ponjatie teksta* [Semiotics of culture and the concept of text]. *Trudy po znakovym sistemam XII* [Proceedings on Sign Systems XII]. Tartu, TGU, 1981. – Pp.3–7.
- Lotman Y.M. *O semiosfere* [About the semiosphere]. *Trudy po znakovym sistemam XVII* [Proceedings on Sign Systems XVII]. Tartu, TGU, 1984. – Pp.5–23.
- Lotman Y.M. *Kultura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnozis, 1992. – 272 p.
- Lotman Y.M. *Nepredskazuemye mekhanizmy kultury* [Unpredictable mechanisms of culture]. Tallinn, TLU Press, 2010. – 232 p.
- Nishanov V.K. *Fenomen ponimaniya; kognitivnyj analiz* [The phenomenon of understanding: cognitive analysis]. Bishkek, Ilim, 1990. – 227 p.
- Orlov E.A., Kuchmaeva I.K. (ed.) *Kultura v sovetskom obshchestve: problemy i perspektivy razvitiya* [Culture in Soviet Society: Problems. and development prospects]. Moscow, Nauka, 1988. – 191 p.
- Portnov A.N. *Dialekticheskaja priroda soznaniya i problema ego semioticheskikh sredstv* [Dialectical nature of consciousness and the problem of its semiotic means]. *Soznanie i teorija mirovozzreniya: istorija i sovremennost* [Consciousness and the theory of worldview: history and modernity]. Ivanovo, IvGU, 1992. – Pp.70–90.
- Portnov A.N. *Znakovaja fuktsija kak mezhdistsiplinarnoe ponjatie* [Sign function as an interdisciplinary concept]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo univers. Serija: Gumanitarnye nauki* [Bulletin Ivan. state university. Series: Humanities]. 2008, Issue 2. – Pp. 3–22.
- Portnov A.N., Turchin A.S. *Semioticheskaja funktsija: filosofskie, sotsiologicheskie i psikhologicheskie aspekty* [Semiotic function: philosophical, sociological and psychological aspects]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo univers. Serija: Gumanitarnye nauki* [Bulletin Ivan. state university. Series: Humanities]. 2002, Issue. 2. – Pp. 62–74.
- Sajko (ed.) *Sotsiokulturnoe prostranstvo dialoga* [Sociocultural space of dialogue]. Moscow: Nauka, 1999. – 219 p.
- Sulimov V.A. *Semiotika literaturnogo teksta* [Semiotics of the literary text]. Syktyvkar, Komi pedinstitut, 2009. – 162 p.
- Sulimov V.A. *Tekstovaja dejatel'nost', kultura, kommunikatsija* [Text activity, culture, communication]. Syktyvkar, Isd. KGPI, 2003. – 93 p.
- Sulimov V.A. *Filosofija i logika russkogo jazykovogo kontinuuma* [Philosophy and Logic of the Russian Linguistic Continuum]. Syktyvkar, Isd. KGPI, 2005. – 128 p.
- Sulimov V.A., Fadeeva I.E. *Kommunikativnoe prostranstvo sovremennoj kultury: znaki i simvol'y* [Communicative space of modern culture: signs and symbols]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2004, No.4. – Pp.110–123.
- Semiodinamika. Trudy seminarov* [Semiodynamics. Seminar proceedings]. Saint-Petersburg, 1994. – 192 p.

- «Наследие» № 1 (18) (2021)
- Tulchinskii G.L. *Rasshirenie vozmozhnostej semioticheskogo analiza: istochniki i sodержание kontseptsii "glubokoj semiotiki"* [Expanding the possibilities of semiotic analysis: sources and content of the concept of «deep semiotics»]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions]. 2019, No.1. – Pp.115–125.
- Fadeeva I.E. *Simvol v sisteme kultury. Teorija i kulturnoistoricheskaja fenomenologija* [Symbol in the system of culture. Theory and Cultural-Historical Phenomenology]. Saint-Petersburg, RGPU, 2003. – 144 p.
- Fadeeva I.E., Sylimov V.A. *Semiozis: subjektivnaja antropologija simvolicheskoi realnosti* [Semiosis: the subjective anthropology of symbolic reality]. Saint-Petersburg, Asterion, 2013. – 252 p.
- Fadeeva I.E., Sylimov V.A. *Chelovek v culture Severa: ot moderna k modernizatsii (Respublika Komi)* [Man in the culture of the North: from modernity to modernization (Komi Republic)]. Saint-Petersburg, Asterion, 2016. – 202 p.
- Filosofija jazyka i semiotika* [Philosophy of language and semiotics]. /Ed. by A.N.Portnov. Ivanovo, IvGU, 1995. – 232 p.
- Fomin I.V., Ilyin M.V. *Sotsialnaja semiotika: traektorii integratsii sotsiologicheskogo i semioticheskogo znaniya* [Social semiotics: trajectories of integration of sociological and semiotic knowledge]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. 2019. Vol. 25. No.4. – Pp. 123–141.
- Chebanov S.V. *Biosemantika: interpretatsionnye protsessy v zhivykh organizmakh* [Biosemantics: Interpretive Processes in Living Organisms]. [<https://bioherm.ru/%d1%81%d0%b5%d0%bc%d0%b8%d0%bd%d0%b0%d1%80%d1%8b/>]
- Chelovek sovremennogo Severa: sotsiokulturnyj kontekst* [Man of the Modern North: Sociocultural Context] / Ed.by V.A. Sulimov. Saint Petersburg, Asterion, 2017. – 148 p.
- Shirinkin P.S. *Turistskoe legendirovanie: regionalnye aspekty (Permskij kraj)* [Tourist legend: regional aspects (Perm region). Perm, PGIKil, 2014. – 260 p.
- Chshedrovitskij G.P. *Smysl i znachenie* [The meaning and significance]. In: *Problemy semantiki* [Problems of semantics]. Moscow, 1974. – 576 p.